

*Всем русским людям XVIII века —
и европейцам и туземцам,
которые не писали друг на друга доносов
и не сотрудничали с Тайной канцелярией.*

Задумывают революции мудрецы, начинают их глупцы, а плодами их пользуются подлецы.

Отто фон Бисмарк

ПРОВАЛИВШИЙСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ

(Вместо введения)

28 января 1725 года закрыл глаза царь Петр I, которого еще при жизни одни подданные нарекли земным богом, а другие — Антихристом. После этой смерти Российскую империю трясло несколько десятилетий: буквально от самого часа смерти Петра и до того, как в 1762 году жена его внука, Петра III, убила мужа и сама уселась на престол.

Ведь и правда — период истории Российской империи с 1725 по 1762 год вполне официально назывался «периодом дворцовых переворотов». Так называли его вовсе не только марксистские историки или историки, враждебные какой-то официальной позиции. Ничего подобного! О «периоде дворцовых переворотов» писали и С.М. Соловьев, и В.О. Ключевский, и О. Егер, и некоммунистические историки XX века — сторонник белой гвардии, офицер армии Власова С.Г. Пушкарев, евразиец Г.В. Вернадский, либерал П.Н. Милюков. Термин этот общепризнанный, не вызывающий протестов решительно ни у кого.

То есть долгие 37 лет власть в Российской империи была какая-то ненастоящая, нелегитимная и с невероятной легкостью переходила из рук в руки. Это была какая-то игрушечная власть, потому что, с одной стороны, император был неограниченным монархом и мог делать почти все, что угодно, а с другой стороны, кучка придворных и гвардейцев по своему произволу решала, кто должен быть императором.

Эта непрочная, верхушечная власть не была в силах (а может быть, и не очень стремилась) навести в стране прочный порядок.

Даже в Петербурге в системе управления царил чудовищный бардак, а во многих губерниях вообще не было суда, способного отправлять правосудие. Власть правительства сводилась фактически к сбору налогов, получению рекрутов и к тому, чтобы население не могло взбунтоваться. Даже рейды войск за налогами, по словам В.О. Ключевского, напоминали набеги татар. Я же позволю себе еще одну аналогию — действия колониальной армии в Индии, Африке, Индонезии... везде, где только существовал колониализм.

А за пределами крупных городов, в стороне от больших дорог, царила почти полная анархия, и были уезды, по которым вообще нельзя было проехать. Никак. Потому что число разбойников в этих уездах превосходило число законопослушных подданных.

Известна цифра, названная П.Н. Милюковым: мол, к 1710 году исчезло 20% тяглого населения Московии. При этом Павел Николаевич считал, что не все из этих 20% погибли — по крайней мере, третья часть тех, кого недосчитались, — просто беглые или ушли в разбойники.

Иные разбойничьи шайки контролировали приличные куски территории Российской империи — целые волости и провинции; эти шайки вели неплохое хозяйство, а некоторые атаманы вели в бой сотни и тысячи людей. Известны случаи, когда разбойники брали уездные города и освобождали своих захваченных солдатами товарищей (а часть солдат уходила с ними). В таких случаях утрачивается вообще представление, где тут разбойничьи шайки, а где — повстанческие армии... Грань очень уж зыбкая.

Есть классический анекдот XVIII века про то, что Петр как-то удивился священнику, который получил назначение в отдаленный приход и ехал в свой приход с ружьем за плечами.

— Ведь если ты убьешь кого-то, то не сможешь больше быть священником...

(По традиции, священником не мог быть человек, даже случайно впавший в грех убийства.)

— Но если меня убьют разбойники, то я не буду не только священником, но и человеком, а у меня большая семья.

Дальше в этой «назидательной» истории повествуется, как Петр подивился разумным речам батюшки [1]. Меня же поражает другое: до какой степени разбойники к концу жизни Петра стали обычнейшим бытовым явлением, нормальной частью жизни в империи.

Местных крестьян эти разбойники чаще всего не трогали, ограничиваясь поборами, но всех проезжих грабили неукоснительно, а дворян некоторые из них вообще не выпускали живыми. Как видно, и священники не всегда и не везде были в безопасности.

Если назвать вещи своими именами, то получится — несколько десятилетий правительство Российской империи контролировало только часть своей территории и даже то, что вроде бы подчинялось Петербургу, подчинялось очень относительно.

А что, может быть, хуже всего, общество оказалось без твердых нравственных и идейных ориентиров.

Независимо от того, как мы оцениваем период правления Петра (1689—1725), вполне можно сказать, что период правления Петра и проведения его «реформ» разделяют два несравненно более благополучных периода русской истории.

До Петра, в «допетровской Руси», существовали некие «правила игры» — законы, традиции, культурные и нравственные нормы, которые были известны всем и признавались всеми сословиями и группами населения. Можно спорить о том, насколько они были плохи или хороши, правильны или неправильны, справедливы или несправедливы. Но эти правила общежития существовали.

Легко проследить, что на протяжении «периода двор-

цовых переворотов» весь этот бардак постепенно изжи-
вался. В 1740-е годы порядка и стабильности стало
больше, чем было сразу после смерти Петра, а при Ели-
завете, в 1750-е годы, больше, чем в 1740-е, при Анне.
Причем порядка стало больше и в головах, и в государстве.

Начиная с годов правления Екатерины II тоже сло-
жятся некие общие «правила игры», некие всеобщие и
понятные всем законы и обычаи. Общество станет на-
столько стабильным, что мало изменится с Екатерины II
вплоть до времен Александра II, а многое доживет и до
XX века. О разумности и справедливости этих правил об-
щезнания тоже можно поспорить, но главное — они воз-
никли.

Очень трудно согласиться с русскими историками,
которые считали реформы Петра продолжением того
движения Руси в сторону Европы, которое шло весь XVII
век, начиная со Смутного времени. Дело в том, что весь
русский XVII век шел глубоко естественный процесс —
шло изменение и развитие русского общества под влия-
нием Европы, а вовсе не проведение над Московией ка-
ких-то диковинных экспериментов. Изменения шли не
столько внешние, формальные, сколько сущностные, из-
менения самих общественных отношений. И главный
вектор изменений был в том, что свободы все прибавля-
лось и прибавлялось. XVII век, время между 1613 и 1689
годом — это время нарастания свободы.

То, что называется «реформами Петра Великого», со-
вершенно противоположно по смыслу. Цель Петра со-
стояла вовсе не в европеизации общества, не в прибли-
жении общества к тем образцам, которые он мог видеть
даже в отсталой и диковатой периферии Европы — в той
же Пруссии. Сама идея свободы человека от государст-
ва, свободы от насилия или ограничения самой власти
государства и монарха предельно чужда Петру, и таких
целей он никогда не преследовал. После «реформ Петра»
свободы в Российской империи стало несравненно мень-
ше, чем было в Московии до этих реформ.

Цель Петра состояла в том, чтобы взять у Европы ее технические достижения и какие-то внешние формы и притом осуществить мечту о построении «регулярного государства». Что это за удивительное «регулярное государство», придуманное в кабинетах философов, нам придется поговорить отдельно, а пока скажем кратко — Петр пытался внедрить в России очередную утопию.

Произошло то, что и всегда происходит при попытке осуществить на практике какие-то умозрительные идеи. На бумаге эти идеи могут выглядеть замечательно, но вот беда — пока никому не удавалось сделать в жизни так же чудесно, как на бумаге. А кроме того, для осуществления утопии приходится начинать с разрушения — уничтожать реально существующее, потому что оно мешает построению утопии, сопротивляется и прилагает все усилия, чтобы измениться как можно меньше.

Для того чтобы осуществить утопию, оказывается, необходимо уничтожить любую самостоятельность людей, любое самоуправление, любую независимость от властей. Ведь люди не хотят строить утопию, и если они будут независимы, если они смогут выбирать — строить утопию люди ни в коем случае не будут.

Почему Петра так очаровали идеи регулярного государства — вопрос, который я решаю в другой книге [2]. Но факт остается фактом, — стремясь к созданию «регулярного государства» по проектам Г. Лейбница, Вульфа и других теоретиков, Петр последовательно уничтожал, разрушал то русское общество, которое сложилось после Смутного времени, существовало и развивалось почти весь XVII век.

Последствия были именно таковы, каких следовало ожидать. Мало того, что экономика страны совершенно разрушилась, а население уменьшилось на 20 или даже на 25%. Взбаламученное, лишенное ориентиров общество, разрушенное государство, подданные которого бегут «в башкиры», на окраины страны, или в разбойники, — вот результат его правления.

Невероятный «заворот мозгов», когда, по сути, вся верхушка общества не очень-то понимала, куда вообще надо плыть и каких берегов держаться, — тоже закономерный результат деятельности Петра.

В результате в 1725 году Российская империя оказалась в совершенно удивительном состоянии, и искусственного общества, выдуманного в кабинетах немецких философов, в ней не построили. И того общества, которое существовало до Петра, тоже уже не было. Весь «период дворцовых переворотов» — это попытки нащупать какой-то выход из тупика и выработать новую общественную идеологию и новый способ общежития.

Так каково же было наследие царя, которого подданные частенько кликали Антихристом? И тесно связанный с ним вопрос — почему «на выходе» периода дворцовых переворотов сложилось именно такое состояние общества, какое оформилось при Екатерине II? Случилось ли единственное, что могло случиться с Россией в ту же эпоху, или из бардака, смуты, безобразия могли родиться и другие типы общества, государства с другим строем и другие варианты русской культуры?

Скажу сразу и откровенно, последний вопрос — чистой воды провокация! Потому что в этой книге я обязательно буду расследовать проблему: какие возможности таились в нашей истории XVIII века и почему выросло именно то, что выросло. Если вам интересно это — за мной, читатель!

Глава 1

ЦАРЕНЬШ

Все утрястись могло с течением времени,
Порядок мог вернуться в русский быт.

Н. Коржавин

Полудети и дети на троне — особая тема. Их судьбы производят тяжелое впечатление, и не только в российской истории, как нетрудно понять.

...В 476 году по Рождестве Христовом императором Западной Римской империи стал патриций по имени Ромул Август. От империи давно отпала и Британия, и Галлия, и Африка, в самой Италии хозяйничали вестготы, а Рим грабили то готы, то вандалы. Сам титул императора мало что значил, потому что императоров давно уже ставили и свергали дружины германских наемников, сражавшихся под предводительством своих племенных вождей. Ромул Август с самого избрания Сенатом оказался заперт в городе-крепости Равенне, но и в ней просидел недолго, около полугода. Потом его зарезал вождь племени скиров Одоакр, — германцам наскучило играть в подчинение императору-марионетке.

Регалии императора Западной Римской империи, скипетр и державу, Одоакр отослал в Восточную Римскую империю, в Константинополь, и велено было императору передать на словах, вручая ему скипетр и державу: «Не может быть на небе двух солнц, не может быть двух императоров».

Получается, что Римская империя началась с Ромула Августа, им и закончилась. Последнему императору Римской империи было 17 лет, и в народе его прозвали Авгу-

стул, что можно перевести как «Августенок» или «Августеныш».

Если он «Августеныш», то как назвать царя Петра Алексеевича, полного тезку своего страшного деда, вступившего на престол Российской империи в 1727 году? Вероятно, царенком или царенышем — самое точное название. Но этот цареныш, полуробенек на троне, не проживший и 15 лет на белом свете, успел сделать поразительно много.

Его судьба не только заставляет болезненно сжиматься сердце, но и вызывает в памяти другую историю, и тоже из последних лет Великого Рима. Перед битвой на Каталунских полях, стремясь остановить страшных гуннов, военный диктатор Рима Аэций производит смотр войскам. Он идет вдоль шеренг, в которых стоят греки, германцы разных племен, кельты, иберы, реты, исавры, дикие горцы с Корсики, славяне. И вдруг он видит в строю мальчика лет 16—17, который едва удерживает вертикально тяжелое боевое копье.

— А ты что здесь делаешь?! Ты кто?

— Я римлянин. Я иду воевать за Рим.

— Ха-ха-ха! А ты знаешь, как меня называют?! Последний римлянин! Во всей этой армии только мы с тобой — римляне, уверяю тебя!

История умалчивает о том, вернулся ли мальчик с Каталунских полей, и если да, то как сложилась его судьба.

Но и в мае 1727 года мальчик Петр оказался единственным наследником престола, единственным Романовым, происходящим по прямой линии от Петра Алексеевича и от Алексея Михайловича. Единственный мужчина в семье. Мужчина одиннадцати лет.

Немец по матери, сын Софьи Шарлотты Бланкенбургской-Вольфенбюттельской, он появился на свет как составная часть внешней политики своего деда, в честь которого и назван. Дед хотел связать свою династию как можно большим числом династических связей с немецкими князьями и заставил постылого сына, Алексея, же-

ниться на старательно подобранной ему иностранной невесте.

Круглый сирота — мать умерла вскоре после рождения малыша, отец казнен... вернее, приговорен к смертной казни за «измену», которой никогда не совершал. По официальной версии «пополудни в 6 часу, будучи под караулом... преставился от жестокой болезни, которая вначале была подобна апоплексической». Так объясняли причину смерти Алексея послам иностранных государств. В Петербурге же сразу заговорили о том, что царевич не выдержал мучений и скончался «от истощения сил». Говорили и о том, что царевичу «отворили жилы». И что Петр собственноручно отрубил ему голову. Никто не верил, что смерть царевича была естественной.

Произошло это уже после того, как 127 членов специальной комиссии дружно проголосовали за смертную казнь Алексея: при том, что в это время даже еще и обвинение не сформулировано! Сама комиссия и формулирует: мол, Алексей «намерен был овладеть престолом чрез бунтовщиков, чрез чужестранную цесарскую помощь и иноземные войска, с разорением всего государства». В дальнейшем именно эту формулу будут использовать для оправдания Петра и осуждения Алексея. Он, мол, вот что хотел учинить! Но все сказанное — полнейшая ложь, ничего подобного о себе Алексей Петрович не рассказывал. Все это от начала до конца — выдумка особой комиссии, созданной Петром специально для суда над сыном.

И Петру, и Алексею, и членам комиссии предельно ясно, что Алексея попросту не в чем обвинить и что он ни в чем не виноват. И во время, и после заседания особой комиссии его продолжают страшно пытаться — авось он сам подскажет, как «пришить» ему обвинение в государственной измене?! Приговор вынесен 24 июня 1718 года. Но и 25, и 26 июня Алексея опять пытаются; 26 июня — в присутствии Петра. О чем шла речь на этот раз, что сказали друг другу висящий на дыбе сын и стоящий перед ним отец, нам неизвестно.

Конечно же, мы до конца не знаем, что произошло в Петропавловской крепости 26 июня 1718 года, «пополудни в 6 часов». Известно, что в тот же день к вечеру царевич Алексей скончался, и сохранилось письмо Александра Румянцева, где он откровенно похваляется — мол, это он вместе с Ушаковым, Толстым и Бутурлиным задушили царевича подушками. Правда это, или Румянцев захотел похвастаться доверием к нему Петра и выполнением важных поручений, сказать трудно.

Невольно возникает подозрение — а не боялся ли публичной казни Петр? Не боялся ли он того, что может крикнуть с эшафота его «слабодушный» сын? Может быть, была и прямая угроза со стороны Алексея — мы ведь не знаем, о чем говорили Петр и Алексей за несколько часов до удушения сына ближайшими подручными отца.

На следующий день после смерти Алексея Петр принимал поздравления по случаю годовщины Полтавской битвы, потом торжественно обедал и веселился. Перед погребением Алексея он праздновал свои именины и отмечал спуск на воду нового корабля веселым фейерверком. Впрочем, Петр, наверное, и впрямь имел причины радоваться: ведь он сумел перехитрить уже вроде бы сбежавшего за границу, уже почти спасшегося сына и убить его!

В год, когда дедушка убил его папу, Петру Алексеичу исполнилось всего три года. В день смерти отца даже и трех лет не исполнилось, потому что родился-то он 10 октября 1715 года, а царевича Алексея убили 26 июня (или он сам скончался от мучений, от тоски, от «истощения сил» или покончил с собой — существует и такая, хотя и плохо обоснованная версия).

ПОСАЖЕНИЕ НА ТРОН

Несомненно, Петр Алексеевич уже в 1725 году имел самые прямые, самые бесспорные права на престол. Тогда он на престол не сел, потому что так надо

было сгрудившимся около трона выскочкам, и в первую очередь — Меншикову.

И в 1727 году он сел на престол деда и прадеда вовсе не потому, что имел какие-то там права, и тем более не потому, что обладал какими-то прекрасными душевными качествами. Отнюдь нет! Все несравненно проще: Меншиков нашел способ сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы (или, в другой редакции этой же поговорки — чтобы и волки сыты, и шерсти много). Способ был простой — сделать Петра Алексеевича императором, но так, чтобы сам Меншиков на том ничего не проиграл бы, а выиграл. Как?! А очень просто — надо выдать свою дочку за Петра Алексеевича.

Самая младшая дочка Меншикова, правда, на четыре года старше жениха, но тут уж ничего не попишешь — другой нет. И еще при жизни Екатерины I удалось обо всем принципиально договориться: Петр Алексеевич должен жениться на Марии Александровне Меншиковой!

6 мая 1727 года померла Екатерина: очень рано, всего в 45 лет. То ли «матушка-императрица» очень уж излеществовала, поддерживая свои гаснущие силы венгерским вином, то ли за ее ранней смертью кроется еще одно преступление: ведь теперь старая любовница сделала свое дело, и она вполне может уйти.

Во всяком случае, не успел Меншиков заручиться договором о возведении на трон Петра и о женитьбе его на Марии, как 10 апреля Екатерина всерьез заболевает и 6 мая 1727 года очень своевременно умирает, просидев на российском престоле чуть больше двух лет. 7 мая собирается вся императорская семья, члены Верховного тайного совета, Сенат, Синод, генералитет, и в присутствии всех этих лиц читается завещание из 15 пунктов, оставленное Екатериной и скрепленное ее личной подписью: знаменитый «тестament», что и означает по-французски не что иное, как «завещание». Почему нужно было назвать завещание русской царицы по-французски? Давайте спросим у Меншикова!

По «тестamentу» престол передается Петру Алексе-

вичу. Если он помрет, не имея наследников, на престол должна садиться Анна, старшая дочь Екатерины. Если помрет без наследников Анна, престол передается второй дочери, Елизавете.

Оговаривается, что наследники мужского пола имеют преимущество перед наследниками женского и что на престол не должен сесть тот, кто не исповедует православия.

Напомню, что петровский Указ о престолонаследии предусматривал: каждый император должен выбирать себе преемника! «Тестамент» Екатерины I по существу отменил закон Петра I о престолонаследии, но зато был удобен для всех и не мешал никому.

Он предусматривал интересы и старой знати, которая хотела видеть на престоле Петра Алексеевича. Решение, принятое 7 мая, удобно и для выскочек петровского периода, потому что до совершеннолетия Петра править он должен, только сообразуясь с мнением Верховного тайного совета. И вообще Верховный тайный совет правит до его совершеннолетия, и все голоса императорской фамилии и «верховников» равны при решении важных вопросов... Чем особенно доволен Меншиков — ведь Верховный тайный совет он пока прочно держит в кулаке... Не обижена Екатерина — признается право ее дочерей на престол.

Назовем вещи своими именами — действие, совершенное 7 мая 1727 года, меньше всего напоминает собрание высших государственных людей для принятия важных решений. Не говоря ни о чем другом, эти люди сами не знают, каковы законы возглавляемого ими государства (и существуют ли они вообще?).

Сохранилось официальное письмо кабинет-секретаря Макарова в Москву ее градоначальнику Мусину-Пушкину: «7 мая, в девятом часу утра: по ее императорского величества тестаменту учинено избрание на престол российский новым императором наследственному государю, его высочеству великому князю Петру Алексеевичу».

Трудно представить себе документ более неопределенный, отражающий больший заворот мозгов, чем это письмо. С одной стороны, государь не какой-нибудь, а наследственный... С другой стороны, ему, наследственному, «учинено избрание». А если бы не было учинено? Что, тогда он был бы ненаследственный?! А кроме всего прочего, избрание учинено не как-нибудь, а по завещанию императрицы. То есть и избирали-то потому, что такова последняя воля императрицы. А если бы была другая воля, тогда что — избрали бы кого-нибудь другого (например, самого Макарова)?!

Письмо это очень ярко отражает состояние умов савонников Российской империи, ее высшего управленческого звена: они сами не знают, на каком основании то или иное лицо становится императором или императрицей.

Больше всего тут аналогий с тайным собранием ведущих мафиози США в маленьком зале банка, столь блестяще описанным Марио Пьюзо [30. С. 291]. Собрались люди, вынужденные учитывать интересы друг друга, но не знающие ни традиции, ни закона, кроме пресловутого «воровского закона» разве что. Принимается решение, учитывающее баланс сил этих людей, и без всякого учета бездействующего закона.

Чем больше вникаешь во всю эту гадость, тем лучше понимаешь мудрого Якова Брюса, вышедшего в отставку, — от срама подальше.

Но вот что интересно... В народе выбор-наследование-назначение на престол Петра встречено очень одобрительно. Народ не очень-то вникает в способ наследования, но знает совершенно точно — на престоле находится законный монарх. В этом сходятся и простолюдины, и широкие круги дворянства, тут же нарекающие Петра II «вторым императором», и высшая придворная знать, всегда хотевшая видеть на престоле Алексея, а после его смерти — его сына.

По-видимому, эта высшая знать как раз действовала

не по собственному произволу, а по неким правилам, пусть и не оформленным письменно, но существующим в головах у абсолютного большинства людей... Договорить ли до конца? Сказать ли, что эта высшая знать выражала мнение народа и сама была глубоко национальной?

НА ПРЕСТОЛЕ

«Оставить Петра во дворце по одну сторону Невы, а самому жить в своем доме на Васильевском острове было опасно для Меншикова: свой глаз верней всякого другого» — так объясняет С.М. Соловьев действия Меншикова. Дело в том, что Меншиков сразу же после действия 7 мая перевозит Петра в свой дворец на Васильевский остров и старается ни на секунду не оставлять его одного. Уже 25 мая торжественно совершается обручение Марии Александровны Меншиковой и Петра Алексеевича. Теперь дочь Меншикова поминали в церквях как великую княжну и нареченную невесту императора. 34 000 рублей из казны полагалось ежегодно на содержание ее особого двора.

В качестве воспитателя к Петру приставлен человек, которого Меншиков имел все основания считать очень преданным себе: Андрей Иванович Остерман. Хитрый вестфальский немец, у которого не было в России ни влиятельных друзей, ни богатства, он вызывал у придворных страх и недоумение уже своим умом, образованностью, деловитостью. От него просто «пахло» «не своим», и при одном виде Остермана у выдвигенцев Петра, «птенцов гнезда Петрова», разливалась желчь. А представители старинных родов тоже не признавали безродного немца не только что «своим», но и человеком, достойным находиться с ними рядом.

Ведь Генрих Иоганн Фридрих Остерман происходил из семьи пастора. Он даже не был дворянином, фи! Да к тому же тянулась за ним какая-то противная история....

«История» состояла в том, что шестнадцатилетний

Генрих Остерман был вынужден прервать занятия в Йенском университете и бежать из Германии в Голландию. Нет, он не грабил на больших дорогах, не растрачивал казенных денег и никого не убил. Юный Остерман, грубо выражаясь, «сделал ребеночка» дочери одного из своих преподавателей. Причем дочери как раз того профессора, который отметил таланты юного Генриха и приблизил его к себе, стал приглашать в дом.

Для нравов XVIII века характерно, что старшие тут решили все за молодых людей, в смысле, исходно «знали», что им нужно и зачем они все это затеяли. Очень может быть, старшие и приписали роману гораздо более пошлые свойства, чем он того заслуживал. Достоверно известно, что девица вовсе не считала свои отношения с Генрихом Остерманом временным явлением, а видела в них прелюдию к браку. Как относился к ним Генрих, мы, кстати говоря, не знаем — его, собственно, никто и не спрашивал. Но, конечно же, старшие и без его слов «точно знали», что Генрих — развратный тип и совратитель ангелочка (кто кого совращал, нам тоже совершенно неизвестно), и в своих действиях исходили именно из этого. Чтобы «знать все», им вовсе и не нужно было расспрашивать молодых людей или выяснять, что они теперь собираются делать. Отец девушки и благодетель Остермана счел себя лично оскорбленным, посчитал себя и свой дом поруганным, пришел в страшную ярость; Генриху грозило судебное преследование, и он бежал в Голландию, где скоро стал личным секретарем адмирала (и между нами говоря, пирата) Корнелия Крюйса.

Крюйс как раз в это время (1703 год) собирался в Россию — уж за ним-то тянулся шлейф таких историй, что «история» бедного Генриха просто и в подметки каждой из них не годилась. Там-то уж были и грабежи, и убийства на песке коралловых островков, и абордажи купеческих судов под яркими тропическими созвездиями, и лязг сабель, и пистолетные выстрелы в упор, и сексапильные мулатки, и прочие йо-хо-хо, о которых так ве-

село читать в приключенческой литературе, но сталкиваться с которыми большинство людей почему-то совершенно не любит. Поэтому скрыться подальше от цивилизованного мира с его судами, полицейскими, прокурорами и другими типами, лишенными чувства романтики и йо-хо-хо, было для Крюйса необходимостью куда более насущной, чем для Остермана бежать из Йены.

Остерман уже знал несколько европейских языков и за два года жизни в России присоединил к ним еще и русский. Причем умел по-русски не только говорить, но читать и писать, что ценилось тогда гораздо больше, — ведь русские писали буквами не латинского, а особого славянского алфавита, и правил правописания почти не существовало.

Петр оценил знания языков Остермана, заявил Крюйсу, что забирает у него секретаря, и приблизил его к себе. Сын пастора Генрих Остерман сделал блестящую дипломатическую и придворную карьеру, стал бароном Остерманом, и Петр даже женил его на своей дальней родственнице, Марфе Ивановне Стрешневой. А царица Прасковья, вдова царя Ивана¹, как-то на ассамблее стала расспрашивать Остермана:

— А зовут-то тебя как, батюшка?

— Генрихом, ваше величество.

— И не выговоришь! А родителя вашего как звали?

— Иоганном.

— Так, стало быть, ты по-нашему Андрей Иванович.

Говорят, Петр очень веселился логике родственницы; тем более ее интеллектуальных возможностей он никогда не преувеличивал. Но для всех в России Остерман стал Андреем Ивановичем и даже стал так подписывать документы.

¹ Царь Иван приходился Петру братом, но родился от первой жены царя Алексея Михайловича, от Марии Нарышкиной. Сам Петр был сыном второй жены, Натальи Нарышкиной. До смерти царя Ивана в 1695 году оба царя сидели на престоле одновременно, и Иван даже считался «первым царем».

В Германию уехать он не мог, в России «Андреем Ивановичем» был липовым, от своего сословия давно оторвался, для дворян «своим» никогда не был. Вот Меншиков и был уверен, что никуда Остерману не деться, он просто обречен держаться за Меншикова и быть ему преданным. И А.И. Остерман стал единственным, кому позволялось уединяться с Петром Алексеевичем без контроля самого Меншикова.

Скажем сразу — нет никакого резона изображать Андрея Ивановича рыцарем без страха и упрека. Таким рыцарем он определенно не был, а иногда вел себя совсем не как подобает порядочному человеку (придет время, Меншиков испытает это и на себе).

Но вот по отношению к юному императору Остерман был честен, исполнял свои обязанности старательно, и я бы даже осмелился вымолвить: любил воспитанника. Это тоже проявится в свое время при обстоятельствах мрачных и трагических.

И уж учить императора он намеревался всерьез. С немецкой педантичностью расписал Остерман программу занятий, включавшую несколько предметов, и так же педантично вместе с историей, «географией частью по глобусу, частью по ландкарте», занятиями «математическими операциями, арифметикой и геометрией», включил в расписание «учение игре на бильярде» «танцы и концерт», стрельбу в мишень и время, когда государь шел «забавляться ловлею на острове», то есть рыбной ловлей... если кому-то интересно, то конкретно — ловлей осетров.

Принято иронизировать по поводу рыбной ловли и танцев, но ведь должен же был император как-то отдыхать?!

При этом, чем старательнее Остерман хотел учить императора, тем в больший конфликт вступал он с Меншиковым, а потом и с кланом Долгоруких: Меншиков хотя теоретически был сторонником образования, на деле всегда отодвигал занятия науками для «более важных» дел — будь то встреча императора с послами иностранных дер-

жав, будь то присутствие его на Верховном совете или попросту попойка... лишь бы попойка была с ним, с Меншиковым и с его людьми.

Для Меншикова занятия с Остерманом были важны в основном потому, что в результате если император и оставался без пригляда Меншикова — оставался именно с тем, кому Меншиков доверял.

А Долгорукие, если называть вещи своими именами, попросту развращали императора-мальчишку, использовали худшие стороны его натуры. Конечно же, скакать на лошадях, охотиться на зайцев, лисиц и волков, пить вино в буйной компании и лобызать нравственно не стойких девиц — гораздо более увлекательное занятие, чем учить правила арифметики, слушать или читать «вкратце главнейшие случаи прежних времен, перемены, приращения и умаления разных государств, причины тому, а особливо добродетели правителей древних...»

По крайней мере, в 12—13 лет большинству мальчишек скакать, стрелять, пить и целоваться покажется интереснее, чем арифметика и география со строго дозированных танцами и рыбной ловлей под надзором Остермана.

Называя вещи своими именами, Остерману приходилось бороться, во-первых, с теми, кто хотел бы использовать императора в своих интересах и для этого отвлекал его от занятий, вовлекал в буйную, нетрезвую и безнравственную жизнь. А во-вторых, с самим императором, который вовсе не всегда так уж рвался учиться.

Если учесть, что император переписывался с Остерманом по-латыни, а с родственниками покойной матери в Германии по-немецки, если он как-то, к изумлению Ивана Долгорукого, стал подсчитывать по сложной формуле водоизмещение шлюпки, в которой они плыли, — приходится признать, что борьбу на оба фронта Остерман выдержал героически и не без результата.

...Но вернемся к тому моменту, когда Меншиков увез к себе на Васильевский остров императора. Почему Мен-

шиков увез к себе, спрятал от всего мира Петра, словно самую дорогую добычу? Только ли потому, что теперь на него обрушились новые почести? Да, действительно, теперь он получил давно желанный чин генералиссимуса и стал полным адмиралом; не было теперь и не могло быть в гвардии и в армии человека, равного ему по чинам.

Всевозможные знаки отличия «светлейший князь» и правда обожал и неустанно жаждал новых почестей. Очень трудно бывает проникнуть в душу закомплексованного человека, так перемешаны, переломаны в ней главное и неважное, принципиальнейшие вещи и совершеннейшие пустяки. Известен случай, когда богатый купец отдал почти все свое состояние за право называться дворянином. Известен случай, когда женщина умерла на операционном столе, причем после вполне удачной операции: узнала, что должен прийти врач, который ей нравился, и кинулась красить губы. Ну, свежие швы и разошлись...

Учитывая многие черты личности «светлейшего», нельзя исключить, что эти цацки имели для него ненормально большое значение.

Необходимость удержаться? Несомненно! Но в том-то и дело, что, помимо новых бирюлек и помимо необходимости удержаться на гребне бешено брыкающегося, несущегося во весь опор случая, было и еще кое-что...

Интересно, что все историки, от С.М. Соловьева до Павленко, почему-то очень решительно говорят о том, что в этот период жизни Александр Меншиков ничего уже больше не хотел, кроме как удержать уже достигнутое... Я же считаю такой вывод принципиально неверным и готов доказать это, опираясь как раз на сочинения самих этих историков. Поразительно, как все-таки действуют даже на очень умных людей какие-то предвзятые установки! Ведь сами же историки — все, решительно все, чьи сочинения об этой эпохе я читал, пишут о желании Меншикова возложить венец Мономаха на своих потомков. И о его стремлении попасть если и не в коронован-

ные особы, то, по крайней мере, в члены августейшей семьи.

А это намерение означало очень большой шаг в карьере «светлейшего князя». Можно как угодно относиться к предрассудкам предков, но, во всяком случае, они очень резко разделяли членов правящих семей — это были особые существа — и весь остальной народ. Даже герцог, князь, граф, которые могли быть лично знакомы с монархом, часто общались с ним, и не только в официальной обстановке, вовсе не были равны монарху или члену его семьи. Для современного человека вся феодальная иерархия, от рядового провинциального дворянина до царя, кажется, скорее всего, ровной, нигде не прерываемой экспонентой, где соседние ранги довольно близки и плавно переходят друг в друга. Но это глубоко неверно!

Во всех европейских феодальных государствах существовало по крайней мере два резких разрыва — такие места на этой экспоненте, где соседние ранги никак не перетекали друг в друга, а различались совершенно категорически. Во-первых, это был разрыв между основной массой дворянства и титулованной знатью. Носитель даже самого низшего титула отличался от рядового дворянина так же... ну, примерно в такой же степени, в какой крупный банкир отличается от уличного торговца окорочками. Только тут-то деньги оказывались совершенно ни при чем, — граф может быть беднее провинциального дворянчика, но это никак не изменит их отношений друг к другу.

И вторая точка разрыва: никакой, самый знатный и богатый князь или герцог не стоит рядом с монархом. Член правящей семьи выше князя не на одну ступеньку феодальной лестницы — он выше на порядок, на огромный кусок общественной лестницы. И какую бы карьеру ни делал Александр Данилович Меншиков, он и близко не находился не только к положению императора Российской империи, но даже к положению герцога Гол-

штинского или герцога Курляндского, независимых монархов-самодержцев.

А светлейший князь планировал подняться именно на эту ступень, если не сам, то через внуков, которые будут одновременно правнуками царя Петра Алексеевича и внуками его, Меншикова.

В конце концов, «светлейшему князю» всего 50 лет, он может оставаться в силе еще долго. Он будет нужен и юному царю с царицей, и будущему императору, его кровному внуку, Меншикову по матери. Он сможет стоять позади этого трона, стать необходимым, полезнее и важнее всех остальных...

При первом из Романовых, Михаиле, его отец, патриарх Филарет, оказывал на государство такое влияние, что даже монеты печатались от имени как бы двух государей — царя и патриарха, а тронов в Грановитой палате стояло три: для царя, царицы и для патриарха Филарета.

В свое время Борис Годунов насильно постриг в монахи Федора Никитича Романова, боясь его претензий на царский венец... А монах Филарет вырос до патриарха и вот, сел на престол рядом с сыном-царем!

А какие примеры подавали боярин Борис Иванович Морозов (царь Алексей Михайлович женился на Марии Милославской, а боярин Морозов — на ее сестре Анне)! Какой пример подавал офицер солдатского полка, «служилый иноземец» Нарышкин, на дочери которого Алексей Михайлович женился вторым браком!

Правда, отцов обеих своих жен, ни Милославского, ни Нарышкина, Алексей Михайлович особенно не жаловал, и в большой чести при нем они не были... Но ведь они оба были глупы, а Меншиков-то умен! Умен так, что есть чему поучиться даже Борису Ивановичу Морозову, воспитателю жены царя, а уж он-то в чести у Алексея Михайловича был!

Трудно сказать, какие именно и насколько горячие мечты осеняют чело Александра свет Даниловича, но, во всяком случае, сделаться чем-то вроде императора

он явно хочет. Сделаться не полулегально, ублюдочно, не через постель блудливой солдатской женки, возведенной на престол, а совершенно законно, как отец императрицы и дедушка императора. И долгое время некому, нечему было остановить «полудержавного властелина», когда он, закусив удила, рвется к еще большей власти.

Меншиков так уверен в своей будущности как наперсника императоров, что начинает игру сложную и рискованную: пытается наладить отношения с представителями старинных родов. С Дмитрием Михайловичем Голицыным по крайней мере наружно у них были прекрасные отношения: Д.М. Голицын очень тепло относился к Алексею Петровичу и перенес это на его сына. Как представитель старой знати, он хотел видеть на престоле Петра и уже для этого готов был поддерживать с Меншиковым чуть ли не дружбу.

Одного из Долгоруких Меншиков сделал сенатором; другого — гофмейстером при Наталье Алексеевне, сестре Петра (место значимое и само по себе, и особенно тем, что Наталья имела на Петра очень большое влияние). Приблизили ко двору даже Ивана Алексеевича (сына гофмейстера), несмотря на то, что он еще недавно был в опале — возражал против брака Петра с Марией Меншиковой.

Очень часто историки называют этот поступок «главной ошибкой Меншикова» — мол, Александр Данилович сам согрел на груди змей-Долгоруких, которые окрепли и закусили его, бедного. Мне трудно согласиться с этой оценкой уже потому, что слово «ошибка» не очень применимо к вынужденным поступкам. Если Меншиков хотел соединиться брачными узами с императорской семьей, он должен был наладить отношения со старинными аристократическими родами. Но, только начав это делать, он оказывался в очень невыигрышной ситуации, потому что аристократия была многочисленна, сплоченна и опытна как в интригах, так и в делах служебных, а Меншиков проигрывал большинству аристократов по

всем параметрам и к тому же противостоял им без сплоченной группы «своих».

А не вступить в борьбу он и правда не мог, уже потому, что находился на вершине славы и могущества и просто не мог не защищаться, даже если бы и захотел.

То есть наверняка проблему можно было решить, не бывает безвыходных ситуаций, но для ее решения требовался интеллект и душевные качества, которых не было у Меншикова. Да и отступить от власти или поделить ее с кем-то (что было бы надежнее всего) он не был способен. Впрочем, к этой мысли мы еще вернемся.

Именно в этот период жизни Меншиков садится на трон российских императоров, так сказать, примеряет его. Учитывая пропасть, разделяющую его и царствующих особ, поступок и неумный, и бестактный. Тем более что Петру II тут же становится о нем известно, и забыть о глупости Меншикова ему не дают. По тем временам такая «примерка трона» и впрямь была действием чудовищно неприличным, оскорбительным для династии.

Еще одна ошибка? И да, и нет. Да — потому что поступок и правда дурацкий и не могущий не иметь последствий. Нет — потому что дело ведь вовсе не в желании посидеть на троне, а в гложущем Данилыча маниакальном честолюбии. Вот оно — и впрямь его огромная ошибка! Эта та черта, которая и доведет Меншикова до конца. А все мелкие и крупные глупости, которые он делает при этом — изоляция Петра II, которая неизбежно начнет его тяготить, вопрос времени, примеривание трона, нежелание делиться властью — все это только производные.

Именно из-за этой черты Александра Меншикова его абсолютная власть в Российской империи продолжалась всего четыре месяца — до сентября 1727 года.

Чаще всего дело сводится к тому, что, мол, Александр Данилович заболел, а пока он кашлял кровью и чуть ли не готовился к встрече с Всевышним, Долгорукие успели

нашептывать юному царю всякие гадости про Меншикова, и он переменялся к своему будущему тестю.

Люди, особенно не любящие немцев, ссылаются еще и на подлую подпольную работенку Андрея Остермана, который, мол, постепенно вбивал клин между Петром II и своим благодетелем Меншиковым. Скажу сразу — «работенка» была. Но состояла она вовсе не в «настраивании» Петра против Александра Даниловича, а просто в разъяснении Петру его полномочий императора, его обязанностей, которые Меншиков не давал ему исполнять, его прав, которыми Меншиков не давал ему воспользоваться. Но ведь в этом, среди всего прочего, и состояли обязанности Андрея Ивановича Остермана как воспитателя и учителя царя... На мой взгляд, его главная «хитрость» и состояла в честном выполнении своего долга. Таким образом, он «предал» Меншикова? Несомненно! Но если бы Андрей Остерман вел себя иначе — он рано или поздно столкнулся бы с недоуменными вопросами и упреками другого лица — императора. На мой взгляд, Остерман выбрал правильно, в том числе и с точки зрения карьеры.

Кстати, никогда не существовало и тандема «Остерман — Долгорукие». Никогда! Ни малейшего сговора! И более того — Андрей Иванович относился к Долгоруким гораздо лучше, чем они к нему. Он-то для Долгоруких был кто? Худородный выскочка, неприкаянный пришелец из Вестфалии, приживалец, не имеющий никаких прав.

А Иван Долгорукий для Остермана выступает в роли человека, может быть, и недалекого, но не вредного, даже полезного для нравственного воспитания Петра. Есть такая малоизвестная история — когда в августе 1727 года к Петру принесли на подпись смертный приговор, юный царь, не задумываясь, схватил перо — подписать и поскорее отвязаться. И тогда Иван Долгорукий сильно укусил Петра за ухо.

— Ты что?!

СОДЕРЖАНИЕ

Провалившийся эксперимент (Вместо введения) 5

Часть I. НА РАЗВИЛКЕ ИСТОРИИ

Глава 1. Цареныш 13

Глава 2. Призрак дворянской конституции 63

Глава 3. Бироновщина 93

Глава 4. Раскрепощение дворянства. 164

Глава 5. Мина взрывается 175

Глава 6. Народная ставленница 207

Глава 7. Самые загадочные полгода всего XVIII века. . . 274

Часть II. ЗОЛОТОЙ ВЕК ВО ВСЕЙ КРАСЕ

Глава 1. Последний дворцовый переворот. 333

Глава 2. Толпа императоров. 349

Глава 3. Без отдачи 369

Глава 4. Империя лжи 378

Глава 5. Россия шестисот тысяч. 389

Глава 6. Россия сорока миллионов 412

Глава 7. Россия бывшая и небывшая 455